

XX $\frac{1}{2}$

Государственная
Библиотека
СССР
ул. П. Я. Захарова

МОСКОВСКАЯ
ЕПАРХІАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

2338-53

НИЖЕГОРОДСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го АВГУСТА.

№ 16-й.

1866 года.

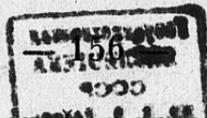
ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали дѣло о порядкѣ доставленія духовнымъ вѣдомствомъ въ статистическія учрежденія свѣдѣній о движеніи населенія Имперіи, православнаго вѣроисповѣданія. Приказали: Препроводить къ Преосвященному Епархіальному Архіерею, при указахъ, по экземпляру составленныхъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ формъ вѣдомостей о движеніи населенія, Православнаго вѣроисповѣданія, въ Имперіи, поручить имъ, Преосвященнымъ, чтобы вмѣстили въ обязанности ввѣренному имъ Духовенству и Благочиннымъ своевременно доставлять по принадлежности требуемыя свѣдѣнія, со-

гласно приложенной формы и напечатаннымъ на ней, въ видѣ объясненій, прилагаемъ 25-го Мая 3-го дня 1866 года.

Вслѣдствіе резолюціи Его Преосвященства, послѣдовавшей на семь указѣ, Духовною Консисторіею опредѣлено: объявить о семъ духовенству чрезъ Епархіальныя вѣдомости для должнаго исполненія.

1866 годъ

№ 10-11

Летоуказъ отъ 25-го Мая 1866 года № 1 и 2.

ОБЪЯСНЕНІЯ.

1) Губернскій Статистическій Комитетъ высылаетъ Гг. Благочиннымъ необходимое для приходовъ количество печатныхъ бланковъ сихъ таблицъ.

2) На каждой таблицѣ, послѣ ея заглавія, должно быть выставлено тщательно къ какому уѣзду принадлежитъ приходъ, а если онъ городской, то къ какому городу.

3) Въ таблицѣ № 3-й, вслѣдъ за симъ, сверху таблицы, а въ таблицахъ № 1-й и 2-й въ особой (первой) рубрикѣ выставляется наименованіе церкви и названіе села, въ коемъ она находится, если приходъ сельскій.

4) Влучаѣ если приходъ переходитъ изъ одного уѣзда въ другой, или если къ городскому приходу принадлежатъ деревни, внѣ городской черты находяшіяся, то свѣдѣнія по разнымъ уѣздамъ должны быть показаны отдѣльно, на разныхъ бланкахъ, а также городскіе приходы отдѣлены отъ сельскихъ и показаны на разныхъ съ ними бланкахъ.

5) Таблицы составляются священниками за истекшей годъ и представляются Благочиннымъ не позже 1-го февраля текущаго года.

6) Благочинные, повѣривъ таблицы, высылаютъ ихъ непосредственно въ Губернскій Статистическій Комитетъ по возможности къ 15 февраля и ни въ какомъ случаѣ не позже какъ къ 1-му марта.

7) Свѣдѣнія о числѣ погребенныхъ на кладбищахъ мертворожденныхъ младенцевъ, а также скоропостижно-умершихъ и найденныхъ мертвыхъ тѣлъ обозначаются отдѣльно на оборотѣ сей таблицы.

Примѣчаніе. Свѣдѣнія о числѣ церквей, молитвенныхъ домовъ, монастырей, а также о числѣ монашествующихъ, священно-и-церковно-служителей, ихъ семействъ и проч. доставляются на основаніи прежняго порядка и по прежнимъ формамъ.

вѣта, о порядкѣ рубки лѣса въ монастырскихъ участкахъ, дать знать по Духовному вѣдомству печатными указами, а Правительствующему Сенату сообщить вѣдѣніемъ. Іюня 6-го дня 1866 года.

II.

ИЗВѢСТІЯ.

Студентъ С. Петербургской Духовной Академіи Василій *Нарбековъ* опредѣленъ на службу въ Нижегородскую семинарію наставникомъ по 2-му классу всеобщей и русской гражданской исторіи, на мѣсто учителя Ивана *Самоцветова*, который опредѣленіемъ Св. Синода отъ 13 мая перемѣщенъ на службу въ Синодальную Канцелярію.

— Указомъ Св. Синода отъ 22 іюня № 1487 новоустроиваемая въ деревнѣ Осиповкѣ, Сергачскаго уѣзда, церковь по составу образуемаго при ней прихода изъ 463 душъ мужескаго пола, причислена къ 6-му классу.

СОДЕРЖАНІЕ. Правительственныя постановленія. — Извѣстія.

Дозволено цензурою 26-го іюля 1866 года.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ; ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

НИЖЕГОРОДСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го АВГУСТА. № 16-й. 1866 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

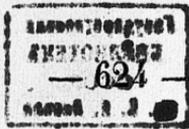
О Ч Е Р К И

ИЗЪ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ МИЕЛОГИИ.

(Продолженіе).

XIV.

Если гдѣ, то именно въ исторіи религіи и народнаго міросозерцанія, извѣстный историческій законъ органическаго развитія находитъ для себя обширное примѣненіе и полное оправданіе. Перебѣна вѣры въ жизни народа никогда не имѣетъ характера переворота, крутаго перехода отъ стараго къ новому. Тысячи нитей связываютъ то и другое; одна вѣра смѣняется другою чрезъ посредство множества посредствующихъ степеней, незамѣтныхъ для наблюдающаго глаза отбѣнковъ. Историкъ не можетъ опредѣлить рубежа, гдѣ кончилось язычество и началось христіанство, какъ глазъ не можетъ уловить раздѣлительной черты между двумя цвѣтами радуги или солнечнаго спектра.

Мы уже говорили, какъ важенъ въ исторіи религіи основной складъ народнаго религіознаго сознанія, своими корнями восходящій до временъ языческой древности. Будучи произведеніемъ цѣлой исторіи народа, онъ не пропадаетъ и при перемѣнѣ вѣры; въ этомъ случаѣ онъ опредѣляетъ объемъ и характеръ, съ которыми народъ усваиваетъ новое ученіе. Народъ не все принимаетъ въ сумму своихъ вѣрованій, что передаетъ ему церковныя проповѣди миссіонеровъ. Одно оказывается не согласнымъ съ его привычными взглядами и вѣрованіями; другое для него непонятно по своей возвышенности или же сухо, отвлечено, не шевелитъ его дѣтски — наивнаго чувства и фантазіи. Подобнаго выбора между сообщаемыми отъ истинами нельзя не замѣтить и въ нашей народной исторіи.

Само собой разумѣется, этотъ выборъ дѣлался безознательно; народъ инстинктивно искалъ для себя въ христіанствѣ только сродныхъ себѣ элементовъ и ихъ только усваивалъ вполне. Онъ не понималъ слишкомъ высокихъ для него твореній св. Отцевъ и позднѣйшей догматики Византіи; не нашелъ здѣсь для себя интереса и удобной пищи для свсей еще дѣтской пытливости и непосредственнаго религіознаго чувства. Можно съ увѣренностію сказать, что также мало интересовали его и произведенія русской духовной литературы. У насъ утвердилось въ исторіи слишкомъ преувеличенное понятіе о народномъ значеніи этихъ произведеній. За исключеніемъ дѣйствительно — народныхъ поученій, въ родѣ наприм. поученія Луки Жидаты, большая часть произведеній русскихъ пастырей относятся къ области очень далекой отъ понятій и жизни народа, какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Творенія Иларіоновъ, Никифоровъ, Туровскихъ и друг. были почти подстрочнымъ переводомъ греческихъ

образцовъ, отвѣчали не потребностямъ русской жизни, а были выраженіемъ богословскаго образованія Византіи, отголосками ея риторства и современной полемики съ папою. Подражаніе доходило до того, что у насъ вдругъ ни съ того ни съ сего являлись наприм. сочиненія объ опреснокахъ въ таинствѣ Евхаристіи, до которыхъ русскому человѣку рѣшительно не было никакого дѣла. Мы увѣрены, что когда Кириллъ Туровскій говорилъ свои цвѣтистыя проповѣди, его никто не понималъ изъ слушателей, какъ не пойметъ ихъ и теперешній простолюдинъ. А эти проповѣди еще нравоучительнаго содержанія. Что же могъ понимать народъ, когда писатель или проповѣдникъ вдавался въ догматическія тонкости, выработанныя вѣками византійскаго образованія, на основаніи греческой философіи, среди безконечныхъ споровъ съ еретиками, когда онъ пускался въ рѣшеніе вопросовъ вовсе у насъ и не существовавшихъ? Историкъ церкви сдѣлаетъ непростительную ошибку, если приметъ эту официальную литературу за мѣрило усвоенія христіанства на Руси, а тѣмъ болѣе, если на основаніи ея станетъ судить о состояніи религіознаго просвѣщенія народа. Если мы обратимся къ характеру самой этой литературы; мы не можемъ не замѣтить въ ней сильной подражательности греческимъ образцамъ, которая убивала всякую самостоятельную работу мышленія. Авторы старались только о томъ, чтобы какъ можно точнѣе передать православное ученіе, строго держась тѣхъ терминовъ и формулъ, въ какія снѣ было включено Св. Отцами, Соборами и богословами, не заботясь представить его въ менѣе отвлеченной и болѣе доступной для народа формѣ. Отъ того древнія произведенія нашей письменности представляютъ рѣдкую чистоту православія и этимъ рѣзко отличаются отъ

позднѣйшихъ произведеній, изъ которыхъ большая часть представляетъ большія или меньшія искаженія чистаго ученія церкви, прѣмъ къ нему вѣрваній темнаго апокрифическаго происхожденія.

Но въ этой чистотѣ православія нельзя не замѣтить нѣкоторой пассивности его усвоенія въ юномъ христіанскомъ обществѣ. Литературная передача православнаго ученія въ первые вѣка нашего христіанства похожа на передачу дитятею труднаго отвлеченнаго урока, который оно заучило на память, но не усвоило, какъ слѣдуетъ, не можетъ пересказать своими выраженіями. Когда дитя начнетъ понимать урокъ, оно, можетъ быть, передастъ его съ искаженіями настоящаго смысла, многое представитъ не въ томъ видѣ, не съ того глубиною мысли, мельче, наивнѣе, пожалуй глупѣе; но нужно ли говорить, что оно при этомъ сдѣлало значительный шагъ впередъ въ своемъ образованіи? Точно также позднѣйшая духовная литература XIV—XVII вѣковъ въ истеріи религіознаго развитія народа стоитъ выше древней официально—православной литературы. Она показываетъ отрадные проблески внутренняго усвоенія христіанства и сильнаго возбужденія религіозной лѣтностности. Самый кругъ писателей не ограничивается уже личностями высшихъ іерарховъ, а обнимаетъ собою и низшую іерархію, даже нѣсколько свѣтскихъ лицъ.

Около XIV вѣка приблизительно опредѣляется и народный выборъ между источниками христіанскаго просвѣщенія. Выборъ этотъ сразу палъ не на творенія Отцовъ Церкви и домашнихъ учителей съ ихъ отвлеченнымъ богословскимъ содержаніемъ и философскою діалектическою формою, а на апокрифы, которые десятками являлись на

Руси изъ Греціи и Болгаріи. Съ своимъ непосредственнымъ мышленіемъ народъ не въ состояніи былъ вознестись на высоту богословскаго созерцанія. Онъ поражался и дорожилъ живымъ фактомъ, наглядными картинами, простымъ, живописнымъ языкомъ. Всѣ доступныя ему догматическія, нравственныя, а особенно обрядовыя истины онъ сталъ объяснять символически изъ природы и переводить ихъ на свой эпическій языкъ. Христіанское ученіе облеклось у него въ знакомые символы и обряды, созданныя еще въ языческое время. Постоянно созерцая и олицетворяя стихіи и явленія природы въ образѣ Перуновъ, Хорсовъ, Виль, Русалокъ, домовыхъ, лѣшихъ, олицетворяя болѣзни въ образѣ лихоманокъ и т. п., пороки— въ образѣ разныхъ злыхъ духовъ, о которыхъ и не слыхивала православная церковь, народъ очевидно еще горячо вѣрилъ въ мифическую олицетворенность, въ зооморфизмъ и антропоморфизмъ силъ и явленій природы и жизни. Онъ жилъ еще въ заколдованномъ мірѣ фантазіи, населенномъ сверхъестественными существами языческаго характера, чудесами и дивами противными и религіи и здравому смыслу.

Питаясь такого рода вѣрованіями, наши предки и въ книжной литературѣ обращали свое вниманіе, если не исключительно, то по преимуществу на такія вещи, которыя подходили подъ строй ихъ умопредставленій, подъ ихъ фантастическій вкусъ. А такого рода литературою была литература, такъ называемая, ложная, апокрифическая, отреченная. Эта литература, будучи создана народною массою, на какую почву ни переходила, вездѣ приходилась по вкусу народа. Она какъ будто для того и была создана, чтобы питать неразвитые фантастическія

вкусы и стремленія къ осязательнымъ формамъ вѣрованія, столь свойственные неразвитымъ, суевѣрнымъ массамъ.

Отреченныя книги, эти наивныя созданія, чуждыя всякой схоластики и суши, въ высшей степени удобно прививались къ народному мышленію и фантазіи, какъ по своему занимательному энциклопедическому содержанію, такъ и по своей художественной формѣ. Тутъ встрѣчались фантастическіе, не лишенные поэзіи, рассказы изъ Ветхаго Завета, еще еврейскаго происхожденія, которые распространяли и оживляли вымышленными подробностями краткій библейскій рассказъ, космогоническія преданія о началѣ міра и человѣка, о мудрецахъ древности, христіанскіе апокрифы о Спасителѣ, Богородицѣ, Апостолахъ, поэтическія легенды о святыхъ и мученикахъ, волшебныя, гадательныя, астрологическія, зелейныя и другія книги, видѣнія о загробной жизни и хожденія тамъ и проч. Всѣ эти рассказы будили религіозную любознательность, поставляли вопросы и своеобразно разрѣшали ихъ, и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ питали художественное чувство, тѣшили поэтическими образами фантазію народа. Такими качествами отреченныя книги очень много выигрывали предъ официальною церковною литературою и сдѣлались первыми источниками религіознаго образованія народа. Они живо распространялись въ народѣ во множествѣ списковъ, вошли въ составъ разныхъ сборниковъ и мануканунцевъ, на которыхъ воспитывался народъ, въ народныя легенды, стихи, въ богослужебныя книги, житія святыхъ, въ самое церковное ученіе. Мы точно опредѣлимъ ихъ значеніе въ исторіи нашего народнаго просвѣщенія, если скажемъ, что они были посредствующимъ звѣномъ между Церковію и народомъ, между церковнымъ ученіемъ, — чистымъ православіемъ и народными вѣрова-

ніями. Церковное ученіе прививалось къ народу, предварительно пройдя чрезъ апокрифъ; народъ принималъ и усвоялъ это ученіе тоже въ апокрифической формѣ, такъ что изученіе народной вѣры не возможно безъ изученія съ одной стороны языческихъ вѣрованій старины, а съ другой—христіанскихъ апокрифовъ.

Въ исторіи литературы принято за правило, при сужденіи о степени вліянія на народъ извѣстнаго произведенія, брать критеріемъ его распространенность въ народѣ. Чѣмъ болѣе извѣстное произведеніе нравится народу, подходитъ подъ мѣрку его умственного и нравственного развитія, тѣмъ въ большемъ количествѣ экземпляровъ распространяется. Если приложимъ этотъ критерій къ нашему предмету, мы увидимъ, что апокрифическія произведенія пользовались у насъ необыкновенной популярностію и значеніемъ въ народѣ. Какъ скоро началось сознательное усвоеніе вѣры и сдѣлался возможнымъ со стороны народа выборъ тѣхъ или другихъ произведеній для изученія и практическаго употребленія, вся народная симпатія увлеклась на сторону апокрифовъ. Народъ съ любовью читалъ, переписывалъ ихъ, варьировалъ ихъ на тысячу ладовъ, распространялъ новыми подробностями, перенесъ ихъ въ область своей поэзіи и связывалъ съ ними преданія своей родной старины. Сборники XVI—XVIII вѣковъ переполнены апокрифическими статьями и послѣднія, какъ можно судить по избитости и засаленности листовъ, находили большее усердіе въ читателяхъ, чѣмъ статьи православнаго, чисто-церковнаго содержанія.

Нельзя опредѣлить времени, когда у насъ появлялись тѣ или другія сказанія; Русь стала наводняться ими съ самаго начала христіанства. Исторія христіанства прямо открывается у насъ проповѣдью греческаго миссіонера

Владиміру, и тутъ же обнаружился народный выборъ между предметами новаго просвѣщенія. Владимира заинтересовалъ не догматическій разсказъ миссіонера, а апокрифическая картина страшнаго суда. Образъ, затрогивавшій своею наглядностію чувство и фантазію, былъ для него болѣе понятенъ и доступенъ, чѣмъ отвлеченная проповѣдь. Потомъ вмѣстѣ съ христіанствомъ Византія передала намъ множество апокрифовъ; проводникомъ ихъ служила Болгарія, успѣвшая раньше просвѣтиться вѣрою и успѣвшая заявить себя рѣдкимъ богатствомъ апокрифической литературы; оттуда шли къ намъ первые священники и книги довольны.

Уже въ лѣтописи Нестора видимъ слѣды апокрифовъ; авторъ усердно пользуется ими и относится къ нимъ съ такимъ же уваженіемъ, какъ къ книгамъ истиннымъ. Онъ одинаково почерпаетъ свои свѣдѣнія и изъ Библіи, и изъ византійской полуапокрифической Палеи. Можно даже думать, что сказанія Палеи и хронографовъ, тоже сильно переполненныхъ апокрифами, были у насъ единственнымъ источникомъ для изученія нѣкоторыхъ событій, даже цѣлыхъ періодовъ библейской исторіи до XV вѣка, потому что до 1499 года у насъ не было ни одного полного экземпляра Библіи; въ этомъ году первый экземпляръ явился въ Новгородѣ по случаю борьбы съ жидовствующими. Народъ естественно привыкалъ болѣе къ апокрифамъ, чѣмъ къ библейскимъ сказаніямъ. Въ Изборникѣ Святослава, въ рукописяхъ XII и XIII вѣковъ находимъ уже значительную примѣсь апокрифовъ. Въ XIII и XIV вѣкахъ они оказали такое сильное вліяніе на народную мыслительность, что русскіе грамотники и сами сочиняли апокрифическія статьи съ примѣсью міеологическихъ народныхъ элементовъ.

Въ концѣ XIV вѣка и началѣ XV византійскіе, сербо-болгарскіе и свои доморожденные апокрифы умножились до такой степени, что митрополитъ Киприанъ—родомъ сербъ—нашелъ необходимымъ составить списокъ какъ истинныхъ книгъ, признанныхъ Церковію, такъ и ложныхъ, отреченныхъ ею. Съ этихъ поръ списокъ отреченныхъ книгъ получилъ какъ бы каноническое значеніе, постоянно вносился въ церковныя книги, наприм. въ молитвословы, уставы, кормчія и проч. Такъ какъ разныя, «богоотметныя писанія, насѣянная отъ бѣса на пагубу душамъ» все умножались, увеличивался и самый списокъ ихъ, принимая въ себя новыя названія, кромѣ книгъ, еще разныхъ, ходившихъ въ народѣ, суевѣрій и суевѣрныхъ обычаевъ. Сначала онъ цѣликомъ списывался съ византійскихъ индексъ, потомъ, расширяясь отъ времени, получалъ мало по малу русскую фізіономію. Множество редакцій этого списка можетъ служить матеріаломъ для изученія апокрифической литературы и приблизительнаго опредѣленія времени, когда та или другая книга поступила въ народное обращеніе. Окончательная редакція его находится въ спискѣ при раскольническомъ изданіи Кирилловой книги 1786 года. Не приводя здѣсь разныхъ списковъ отреченныхъ книгъ изъ Кормчихъ, Домостроя, Стоглава, сборниковъ, представляемъ читателямъ только общій сводный списокъ для того, чтобы обозначить по возможности сумму апокрифическихъ сказаній, ходившихъ въ древне-русскомъ народѣ. Этотъ списокъ изъ разныхъ редакцій, послѣ подробнаго изученія греческихъ, славянскихъ и русскихъ индексъ, составилъ г. Тихонравовъ; мы будемъ сличать его съ однимъ спискомъ соловецкой бібліотеки (въ сборникѣ XVII в. № 913), болѣе полнымъ и опредѣленнымъ. Замѣтимъ кстати, что слово книга въ спи-

скѣ отреченныхъ книгъ имѣеть вовсе не то значеніе, какое соединяемъ мы съ нимъ теперь; подъ книгою разумѣется вообще апокрифъ, хотябы онъ состоялъ только изъ нѣсколькихъ строкъ, или даже примѣта, суевѣріе, записанное для памяти въ нѣсколькихъ словахъ.

Вотъ какія произведенія пересчитывались въ старыхъ спискахъ отреченныхъ книгъ: 1) Адамъ; 2) Адамъ завѣтъ; 3) Лобъ адамъ, что 30 службъ въ немъ и семь царей подъ нимъ сидѣло; 4) о древѣ крестномъ, извѣщеніе св. Троицы; 5) о древѣ крестномъ Ереміи пресвитера; (Соловецк. списокъ: Сиеова молитва); 6) Енохъ; 7) о Еносѣ, что былъ на пятомъ небеси и исписалъ 300 книгъ; 8) Ламехъ; 9) двѣнадцать іаковличъ; 10) глаголемая лѣствица. Эти двѣ книги входятъ иногда въ одну съ присовокупленіемъ откровенія Авраама. 11) Завѣты патриарховъ или просто—Патріарси; 12) Исаакъ сонъ видѣ—столпъ посреди двора; архангелъ Михаилъ Авраама возносилъ на небо и далъ ему видѣти, что дѣють на земли и судилъ имъ; тотъ же апокрифъ извѣстенъ подъ названіемъ—смерть Авраама; 13) молитва Іосифова; 14) Асенеоъ; 15) Моисеевъ завѣтъ; 16) исходъ Моисеевъ криво складень; 17) Елдадь; Модадь; 18) Псалмы Соломоновы; 19) Пѣсни нѣкія Давидовы; 20) Ильино обавленіе (откровеніе); 21) Софоніино обавленіе; 22) Захаріино обавленіе; 23) Исаино видѣніе; 24) О плѣненіи іерусалимскомъ паралипomena іереміина, что орла слали съ грамотою въ Вавилонъ къ Іереміи; 25) Суды Соломона; 26) о Соломонѣ царѣ и о Китоврасѣ басни и кошуны; 27) Составлени мірстіи псалмы: а) грядите вси вѣрніи, б) другое грядите, в) кресту твоему водружущся на земли и г) ангельски вопіемъ; 28) Іаковля повѣсть; 29) Евангеліе отъ Варнавы; 30) Евангеліе отъ Θомы; 31) Евангеліе отъ Матвѣя; 32) Варнавино посланіе;

33) Петрово обавленіе; 34) Павлово обавленіе; 35) Павлово дѣяніе лжею складено; 36) Ученіе Климентово; 37) Дѣтство Христово; 38) Обходи апостольстїи, что приходили апостоли ко граду, обрѣтоша человекѣ орюща воли и прошиша хлѣба, онъ же иде въ градъ хлѣба ради, апостоли же безъ него взоравше пиво и насѣявше, и приде съ хлѣбы и обрѣте пшеницу зрѣлу. Въ Соловецк. спискѣ: 39) Петрово житіе въ пустыни 50 и 2 лѣта и хожденіе Петрово по вознесенїи Господни (что Христа отротачемъ продавали и архистратигъ Михаилъ крести и что рыбы посуху ходили); 40) что Христа въ попы ставили; 41) что Христось плугомъ ораль, еже Еремїя попъ болгарскїй изолгалъ, бывъ въ навѣхъ на верзїуловѣ колу; 42) Игнатїево ученіе; 43) Поликарпово ученіе; 44) О мученицахъ и о благовѣщенїи; 45) списаніе Афродитїана Персина на Рождество Христово, что Ира во чревѣ зачала; 46) Вареоломеевы вопросы Богородицѣ, како роди Христа; 47) хожденіе Богородицы по мукамъ; 48) Павлово хожденіе по мукамъ; 49) о пустынницѣ Макаріи римстѣмъ, что три чернцы нашли его, что двадесять поприщъ отъ него рай; 50) Зосимино хожденіе къ блаженнымъ или о Рахманѣхъ; 51) Ѳедора Тирона о зми. Суть же и о мученицѣхъ словеса криво складена, а не тако, якоже истина ихъ писана въ чтенїяхъ и въ минеяхъ и въ проложѣхъ, яко се: 52) Георгїево мученіе, рекше отъ Дадїана царя мученъ, онъ же бѣше мученъ отъ Дїоклитїана царя 53) Никитино мученіе, нарицающе его сына Максимїанова царева, иже бѣ самъ мучимъ; 54) Ипатїево мученіе, что седмижды умеръ, а седмию воскресъ; 55) Поликарпово мученіе; 56) Климентово мученіе анкирскаго; 57) Ирїино мученіе, и о иныхъ мнозѣхъ. 58) Пренїе діавола со Христомъ; 59) Іоанна Богослова вопросы на

Ѡаворстѣй горѣ и отвѣты ему: слыши, праведный Іоане; 60) того же вопросы къ Аврааму о праведныхъ душахъ; 61) Іоанна Богослова вопросы на Елеонстѣй горѣ; 62) Слово Меводія епископа Патормскаго отъ начатка и до кончины, въ немъ же писанъ Мунтъ сынъ Ноевъ и три дѣта земли горѣти, что запечатани цари Александромъ царемъ Македонскимъ, Гогъ и Магогъ. 63) Суть же между божественными писаніи ложная писанія насѣбена отъ еретикъ на пакость невѣжамъ, попомъ и дьякономъ, льстивые сборники сельскіе, худые манакачунцы по молитвенникомъ у неразумныхъ поповъ; 64) Епистоля о недѣли; 65) Семьдесятъ именъ Богу; 66) Имена ангеломъ; 67) о всей твари чтеніе: куръ стоитъ на мори, 300 ангель солнце воротять; 68) о 12 пятницахъ, споръ Тарасія жидовина съ Елферіемъ; 69) о службѣ тайнъ Христовыхъ, что опоздать служити обѣдню, врата небесная затворяются и ангели попа кленуть; 70) О Василии кесарійскомъ, Іоаннѣ Златоустѣ и о Григоріи Богословѣ вопросы и отвѣты о всемъ порядку; 71) вопросы и отвѣты, отъ колика частей созданъ бысть Адамъ; 72) что Провъ царь другомъ Христа назваль; 73) молитвы составленныя лживыя отъ трясавицы, Ереміи попа болгарскаго басни, глаголетъ бо окаанный, сѣдѣшу св. отцу Сисинію на горѣ Синаистѣй и видѣ седьмъ женъ исходящихъ отъ моря, и ангела Сихаила именуеть; 74) Молитвы отъ Нежитя: а) что срѣтилъ Христось Нежитя, рече Іисусъ: камо идиши? б) и иная: изыдоша 7 ангель, 7 свѣчь держаше, 7 ножевъ остряще; 75) лживыя молитвы о недузѣхъ; 76) Авгарево посланіе на шеѣ носятъ неразумніи; 77) о бражничѣ; 78) о Акирѣ; 79) Мартолой, рекше астрологъ, астрономія; 80) Землемѣріе; 81) Чаровникъ, въ нихъ же суть 12 главизнъ стихи опромѣтныхъ лицъ звѣриныхъ и

птичихъ, еже есть сіе: тѣло свое мертво хранитъ, летаетъ орломъ, ястребомъ, ворономъ, дятломъ, совою, рыщутъ рысю, лотымъ звѣремъ, волкомъ, медвѣдемъ, летаютъ зміемъ; 82) Громникъ; 83) Молніаникъ; 84) мѣсяць окружится; 85) Колядникъ; 86) Метаникъ, въ немъ же лжуче пророчествуютъ и на святыхъ хулу возлагаютъ; 87) Мысленикъ; 88) Спосудецъ; 89) Волховникъ, волхвующе всякими коби, птицами и звѣрми, еже есть: храмъ трещитъ, ухозвоиъ, окомигъ, огонь бучитъ, несъ воетъ, мышепискъ, мышъ порты грызетъ, жаба воркочетъ, кошка въ окнѣ, изгоритъ пѣчю, огонь пищитъ, искра изъ огня прынетъ, кошка мявкаетъ, падетъ человекъ, свѣща угаснетъ, конь ржетъ, волю на волю восходитъ, пчела поетъ, рыбы вострепешутъ, трава шумитъ, древо о древо скрипитъ, листъ шумитъ; 90) Птичникъ различныхъ птицъ: вороноградъ, курокликъ, сорока пощекочетъ и проч.; 91) Трепетникъ: мышца подрожитъ, волхвованія различная; 92) Путникъ книга, въ ней же есть писано о встрѣчахъ коби всякія еретическія; 93) Сонникъ: сонъ страшень; 94) о часѣхъ о злыхъ и о добрыхъ; 95) о днѣхъ лунныхъ, что въ первый день луны небесныя Адамъ созданъ бысть; еретики написано; а не въ первый день луны сотвори Богъ Адама, понеже солнце, луну и звѣзды сотвори Богъ въ среду, а Адама сотвори Богъ въ пятокъ, како хошеши, невѣгласе, во единъ день рожденіе Адамле съ луною исповѣдати? Възвѣши еретическимъ лжамъ, а оставя святое Писаніе; и тѣ всѣ 30 дней луны ложно списаша; 96) Звѣздочетецъ, 12 звѣздъ; 97) Другій звѣздочетецъ, 12 звѣздъ, ему же имя Шестодневецъ, въ нихъ же безумніи люди верующе волхвуютъ, ищуще дней рожденій своихъ, сановъ полученіе, бѣдныхъ напастей, различныхъ смертей, казней, въ службахъ, купляхъ

и ремеслахъ, ищутъ своимъ безуміемъ, оставя Божію помощь, и призываютъ бѣсовъ на помощь, а не вѣдуще Божіихъ судьбъ, яко несть се Божіе повелѣніе, ни отъ св. Апостоль св. Отцемъ предано, по Богомъ ненавистно и мерзко Богу бысть, — второе идиоловѣріе, отъ бѣсовъ еретики насѣяно невѣжамъ, на пагубу душамъ, аки плевелы посреде пшеницы и проч.; 98) Рафли; 99) Альманахъ; 100) Аристотелевы врата.

Такъ обширенъ былъ составъ апокрифической литературы, которою пробавлялись въ старину рускіе грамотники и всѣ любившіе «почитаніе книжное». Надобно еще замѣтить, что въ этотъ длинный списокъ, не смотря на его величину и кажущуюся полноту, не вошло много апокрифовъ, имѣвшихъ важное значеніе въ исторіи христіанскаго просвѣщенія.

Во всѣхъ этихъ книгахъ христіанство является въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ; оно теряло здѣсь свою возвышенную чистоту и спускалось до низменныхъ сферъ народной мыслительности и народнаго эзического творчества. Изъ этихъ сферъ къ нему примыкало много старыхъ языческихъ вѣрваній и преданій, сливаясь съ нимъ въ фантастическую смѣсь и развиваясь въ цѣломъ циклѣ двоевѣрія. Перепутывая старые мѣты съ новыми, народъ снова вносилъ эту смѣсь въ книжный оборотъ съ новыми элементами, въ болѣе усложненномъ видѣ, а изъ книжнаго оборота она опять шла въ жизнь массы, чтобы обогатиться новыми фактами народнаго творчества и оживиться народнымъ духомъ. Это постоянное круговращеніе апокрифическихъ и языческихъ идей не давало мѣста ни православной релігіозной истинѣ, ни научной идеѣ. Отъ этого апокрифическая литература находилась въ постоянномъ гоненіи со стороны іерархіи. Рядъ запрещеній идетъ съ са-

наго начала христіанства чрезъ всю церковную исторію и заканчивается Регламентомъ Петра Великаго, который предписываетъ Св. Синоду смотрѣть, не обращаются ли въ народѣ «ложныя сказанія смѣху достойныя, которыя человѣка къ суетвѣрью и въ недобрую практику ведутъ», и выводить ихъ изъ употребленія.

Составители статьи объ отреченныхъ книгахъ очень строго смотрятъ на дѣло. Они представляютъ эти книги еретическими, всѣянными діаволомъ на пагубу человѣкамъ, велятъ бѣгать ихъ, какъ Лотъ Содомы и Гоморы. «Аки жена Лотова преступи заповѣдь ангельскую, обратися видѣти Содомъ, и бысть столбъ сланъ и до днѣсь; также и нынѣ кто Божію заповѣдь преступитъ, а иметъ еретическая писанія у себе держати, еже есть врагъ Божій и волхвованію ихъ вѣровати, съ тѣми со всѣми еретиками да будетъ проклятъ. Аще который отецъ духовный, вѣдая у себе таковаго въ сынѣхъ, а вѣдая то въ покаяніи его, иметъ сму въ томъ потоковы дѣяти, и приемля его на частое покаяніе безъ эпитеміи и безъ отлученія церковнаго, или иметъ и самъ тоже творити, прежереченная сія еретическая волхвованія, да извержется сана своего по правиламъ св. Отець, и съ прежереченными еретики съ тѣми совѣми да будутъ прокляти, а написанная на тѣлѣ ихъ (въ друг. на члѣбѣ) да сожгутся. А еже кто не повинется повелѣніемъ св. Апостоль, иже св. Отцемъ предаша и потомъ св. Соборы утвердиша правила своими, паче же Духомъ Св., иже предаша Церквамъ Христовымъ по вселеннѣй, — и сице кто не повинуется сей величнѣй Церкви, еже есть Софія — премудрость Божія, в Царяграда патриарху, иже есть вселенскій и православный, церквамъ правило и мати, якоже повелѣша и утвердиша и предаша святіи Апостоли въ своихъ правилѣхъ и

святїи богоноснїи отцы: сицѣ аще кто таковымъ правиламъ не покорится, ни вѣруеть или укорить или мнить лжу сущу, да будетъ проклятъ... отъ сихъ всѣхъ избави насъ, Сыне Божїи Слове; изми отъ себѣ дѣвола молитвами Тебе родшія и всѣхъ святыхъ. Аминь.»

Не смотря на эту строгость запрещенїй, индексы не достигали своей благой цѣли. Церковныя книги невыдерживали опасной конкуренціи съ книгами апокрифическими; послѣднія оказывались болѣе подходящими подъ народный вкусъ. Трудно указать даже одно какое нибудь церковное произведеніе, которое бы такъ полно усвоивалось народомъ, входило въ его духовную жизнь, въ его вѣрованія и поэзію, какъ многія изъ апокрифическихъ сказанїй. Эти сказанія быстро овладѣвали всею душою простолюдина, входили въ его міросозерцаніе, давали пищу его мыслительности и фантазіи, составляли главное содержаніе религіозной поэзіи духовныхъ стиховъ. Они переписывались въ сотняхъ экземпляровъ, и нѣтъ двухъ изъ нихъ, пословамъ г. Пыпина, специально изучившаго эту темную литературу, которые бы не разнились между собою, не представляли варіантовъ очень крупныхъ и характеристичныхъ. Значить сказаніе принималось не пассивно, надъ нимъ думали, его перерабатывали, оно жило въ душѣ народа полною жизнью, имѣя вліяніе и на міросозерцаніе народа и на письменную литературу. Образчикомъ можетъ служить знаменитая Бесѣда трехъ святителей. По занимательности и энциклопедичности содержанія ей особенно посчастливилось на Руси. Она разходилась во множествѣ варіантовъ; огромное вліяніе ея на письменную и устную словесность очевидно. Цѣлый народный стихъ о Полубиной книгѣ есть не что иное, какъ передѣлка Бесѣды; изъ нея заимствовала содержаніе болѣ-

шая часть старинныхъ притчей, загадокъ, мистическихъ толкованій, повѣрій; изрѣченія ея заносились даже въ азбуки и прописи. Въ свою очередь она сама питалась народною поэзіею и увеличилась отъ множества эпизодовъ чисто русскаго происхожденія. Не распространяясь объ этомъ предметѣ, относящемся къ исторіи литературы, заявляемъ только фактъ.

Глубокая жизненность и народность другихъ апокрифовъ видна уже изъ того, что ихъ позднѣйшія редакціи совершенно не похожи на первоначальныя и особенно на византійскіе подлинники. Это можно сейчасъ же видѣть чрезъ сличеніе нѣсколькихъ редакцій, хотъ по изданію апокрифовъ г. Тихонравова. Мы еще осязательнѣе убѣдимся въ ихъ родственности съ народнымъ складомъ ума, когда, слѣдя за двоевѣрнымъ міросозерцаніемъ, будемъ сличать древнія апокрифическія сказанія съ легендами и духовными стихами, ходящими въ народѣ до позднѣйшихъ временъ. Намъ придется еще разобрать съ этой стороны множество апокрифовъ; а потому органичимся теперь пока одними общими положеніями.

Будучи пересажены къ намъ съ чужой почвы, — изъ Византіи и Болгаріи, отреченныя книги скоро пустили прочныя корни на русской землѣ и породили множество своеобразныхъ отпрысковъ, въ которыхъ иногда уже очень трудно становится усмотрѣть ихъ чужеземное происхожденіе, — такъ они пропитаны русскимъ духомъ. Развиваясь въ теченіе всей древней жизни на народныхъ началахъ, служа поводомъ и матеріаломъ къ созданію новыхъ народныхъ легендъ, они живутъ и доселѣ въ народной массѣ и даже доселѣ развиваются. «Еще и теперь, говоритъ наприм. г. Буслаевъ, кое гдѣ въ захолустьяхъ обширной Руси можно встрѣтить грамотнаго мужичка,

который, пробавляясь занимательною бесѣдой трехъ святителей, поучается изъ нея по своему понимать міръ и исторію человечества, символически объяснять себѣ явленія природы и историческія событія, толковать изображенія на иконахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе свыкается съ тѣмъ поэтическимъ міромъ духовныхъ стиховъ, которые поетъ ему странствующій пѣвецъ, слѣпой старецъ, смутно блуждающій своимъ воображеніемъ въ томъ же наивномъ, уже чуждомъ для насъ, мірѣ апокрифической Бесѣды.»

Доселѣ еще хранится въ народѣ и развивается цѣлый рядъ вымышленныхъ сказаній о сотвореніи міра, о первыхъ человѣкахъ, о Ноѣ и т. д., соотвѣтствующихъ апокрифическимъ передѣлкамъ библейскихъ сказаній космогоническаго содержанія. Въ разныхъ углахъ Руси, куда еще не проникла цивилизація, можно еще встрѣчать или тетрадки, или старыхъ людей, которые передадутъ вамъ все космогоническіе рассказы чисто-апокрифическаго, гностико-богомильскаго содержанія съ разными передѣлками и подробностями въ русскомъ вкусѣ. Едва ли еще не болѣе посчастливилось у насъ фантастическимъ рассказамъ о будущей жизни и о страшномъ судѣ. Доселѣ по мѣстамъ слѣбые калеки переходящіе поютъ свои, душу надрывающіе, стихи о Лазарѣ убогомъ, о томъ, какъ душа съ тѣломъ разставалась, о страшномъ судѣ, о мукахъ грѣшниковъ, замыкая въ свою немудрящую, но трогательную для народа поэзію и варьировавъ на множество ладовъ богатое содержаніе разнаго рода апокрифическихъ хожденій и обавленій, рассказывающихъ о будущей судьбѣ человѣка.

Иногда довольно легко прослѣдить, какъ чуждое, въ эпоху христіанскую принятое, преданіе мало по малу превращается въ исключительную національную собственность.

Это наприм. очевидно по разнымъ редакціямъ стиха о Егоріи Храбромъ. Иногда онъ описывается согласно съ подлинными сказаніями, иногда представляется какимъ-то творцемъ и устройтеlemъ міра, наконецъ въ одномъ стихѣ имѣетъ исключительно—русскій характеръ князя, взятаго въ плѣнъ и мучимаго татарскимъ хаомъ. Дохристіанскія преданія фантастически сочетаются съ христіанскимъ преданіемъ, и вся эта смѣсь принаровляется къ извѣстной эпохѣ собственно русской жизни. Въ своемъ мѣстѣ мы еще увидимъ множество другихъ подобныхъ примѣровъ.

Такъ, вслѣдствіе своего интереса и своей жизненности, не смотря на всѣ строгости, апокрифъ широкимъ путемъ и твердою ногою входилъ въ народную жизнь, захватывая для себя все болѣе и болѣе мѣста въ народномъ міросозерцаніи. Во всей грудѣ понятій и вѣрованій своихъ и чужихъ, которыя вошли въ это міросозерцаніе, трудно найти вѣрованіе, которое было бы чисто-христіанское; тутъ все теряло свою церковную чистоту, обставлялось эпическими подробностями и получало отбѣнокъ народной фантазіи. Въ этомъ фантастическомъ мірѣ образовались свои религія, свой взглядъ на Бога, міръ и человѣка, на его жизнь здѣсь и за гробомъ, свое богословіе, философія, свои естественныя науки, исторія, право и т. д.

Единственнымъ средствомъ для противодѣйствія ложнымъ вѣрованіямъ и книгамъ могло быть одно образованіе народа, а сначала самихъ пастырей Церкви. Запрещенія, вымарываніе изъ сборниковъ суевѣрныхъ мѣстъ, сожженіе книгъ, подвергавшихся запрещенію, были мѣры частныя; а дѣйствовать нужно было на цѣлый складъ народнаго міросозерцанія вообще; нужно было вырывать суевѣріе съ корнемъ, а не обрѣзывать одни его верхушки.

На мѣсто вымараннаго или сожженнаго сказанія являлись десятки новыхъ, развитыхъ болѣе, чѣмъ прежнія. Даже богословскія понятія, которыя іерархи наши старались распространять въ народѣ, смѣшиваясь съ его полудушечными и апокрифическими понятіями, вели только къ ересямъ и расколу и только вредили благонамѣреннымъ усиліямъ ревнителей Православія. Не даромъ кодексъ запрещенныхъ книгъ не только не уменьшался въ своемъ объемѣ, но еще отъ времени до времени возрасталъ, пополняясь апокрифами, вновь поступившими въ народное обращеніе, о которыхъ прежде не знали. Съ XVI вѣка наирим. мы видимъ сильный наплывъ апокрифовъ, которые появились съ запада и значительно увеличили, и безъ того уже огромную, массу апокрифовъ византийскаго и сербо-болгарскаго происхожденія.

Индексы, какъ они ни расширялись, даже не могли услѣдить за всѣми отреченными книгами, и множество послѣднихъ ускользало отъ всякаго запрещенія, поступаая въ разрядъ книгъ, иже подобаетъ чести православнымъ христіаномъ. Съ другой стороны ревнители вѣры сами не обладали критикою для того, чтобы отличить ложное сказаніе отъ истиннаго; таже наивнѣсть вѣрованія и любовь къ эпическому чудесному, которыя мы замѣчаемъ въ народѣ, не позволяли имъ видѣть чистую сказку во многомъ, что они читали. Большая часть апокрифовъ носила очень благовидную наружность и отличалась искреннимъ благочестіемъ, не говоря уже о ихъ поэтической прелести. Кромѣ того въ старину скоро нашли средство освобождать апокрифы отъ церковнаго проклятія и окружать ихъ высшимъ авторитетомъ.

Извѣстенъ обычай древнихъ грамотниковъ озаглавливать произведенія своего пера громкими именами св. Апостоль

и св. Отець. Съ такимъ заглавіемъ книга лучше расходилась и пользовалась большимъ уваженіемъ между читателями. Особенно часто въ этихъ заглавіяхъ попадаетъ имя Златоуста, а большею частію писали просто огуломъ: «слово св. Апостоль» или «слово св. Отець» о томъ-то. Подъ такимъ заглавіемъ апокрифъ легко ускользалъ отъ бдительности церковной цензуры, читался на ряду съ твореніями св. Отцевъ даже самыми ревнителями Православія и заносился въ списокъ истинныхъ книгъ. Составители индексовъ сами высказываютъ неувѣренность въ своей критикѣ и обнаруживаютъ ея слабость. Наприм. въ одномъ индексѣ читаемъ: «Василій же Новый и Нифонтъ и Андрей Уродивый и Меѳодій Патарскій и Странникъ — подобаеть о сихъ вѣдущаго спросити, аще истина суть, и отъ божественныхъ Писаній разсудити, подобаеть ли сія книги почитати, есть бо въ нихъ иная добра, а иная видятся высока и неподобна.» Подобная перѣшительность дѣлаеть еще честь составителю этаго индекса. Другіе не обнаруживали и того; они сами искренно увлекались ложными книгами, а потому или пропускали послѣднія въ своихъ индексахъ, или включали ихъ въ число церковныхъ книгъ. Во многихъ спискахъ, кромѣ Василія Новаго, Нифонта, Андрея Юродиваго, слова Меѳодія Патарскаго, Странника, помѣщены въ числѣ истинныхъ книгъ другія отреченныя книги, наприм. 12 іаковличъ, великое зеркало, Палей, Григорій Цамблакъ, Глубина и другія, которыя были наполнены множествомъ еретическихъ и мистическихъ легендъ. Случалось и такъ, что книга, въ одномъ индексѣ помѣщенная въ числѣ ложныхъ, въ другомъ числилась въ числѣ истинныхъ, наприм. Первоевангеліе Іакова. Такимъ образомъ самая статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, имѣвшая значеніе церковнаго законо-

положенія, входившая въ составъ нашихъ кормчихъ, часто фальшитъ сама противъ себя; еще болѣе противорѣчій встрѣчаемъ въ практическомъ приложеніи ея со стороны просвѣтителей царода.

Каждый почти сборникъ находящейся у насъ подъ руками Соловецкой бібліотеки обильно наполненъ апокрифами и даетъ имъ у себя очень почетное мѣсто. Въ одномъ сборникѣ (№ 907) сохранились на поляхъ отмітки, вѣроятно, новаго собирателя благочестивыхъ сказаній о томъ, что выписать въ новый сборникъ, который онъ, должно быть, затѣвалъ писать; изъ этихъ отмітокъ видно, что его преимущественно занимали статьи именно апокрифическаго содержанія. Составители большей части сборниковъ, переписавъ статью объ истинныхъ и ложныхъ книгахъ съ ея страшными заурещеніями и проклятїями, непосредственно за нею заносятъ въ свои сборники множество апокрифическихъ сказаній, заимствуя ихъ изъ тѣхъ самыхъ книгъ, которыя поименованы въ статьѣ. Апокрифы вносились даже въ сборники святоотеческихъ писаній, въ Измарагды, Златоусты, Торжественники, имѣвшіе церковное употребленіе. Они закрадывались даже въ богослужебныя церковныя пѣсни. Вспомнимъ наприм. пѣсни и чтенія на праздникъ Воздвиженія о трехъ древахъ креста—Певчѣ, Кедрѣ и Кинарисѣ, свѣдѣнія о которыхъ заключены первоначально въ апокрифахъ о древѣ крестномъ, объ Адамѣ, объ исповѣданіи Евги и объ Адамовой болѣзни; въ пѣсняхъ на Рождество Христово находимъ сказанія о волхвахъ и о бабѣ Соломонїи, которая воприняла по рожденіи Іисуса Христа и увѣрилась въ дѣвствѣ Божїей Матери и т. п.

(Продолженіе будетъ.)

О ПОСТУПЛЕНИИ ВЪ РОССІИ НА ЦЕРКОВНЫЯ ДОЛЖНОСТИ ВЪ XVII И XVIII СТОЛѢТІЯХЪ.

Въ древней Россіи духовенство не составляло запретнаго сословія. Въ ней служеніе Церкви и для Церкви широко открыто было людямъ всѣхъ званій и состояній. Право мірянъ поступать въ духовное сословіе не было тогда ограничено стѣснительными постановленіями: кто хотѣлъ и имѣлъ возможность быть духовнымъ лицомъ, тотъ безпрепятственно поступалъ въ духовное званіе, если не имѣлъ за собою пороковъ, препятствующихъ принятію на себя свящ. сана. Не было ограничено стѣснительными постановленіями и самое духовенство древней Россіи. Тогда оно пользовалось свободнымъ правомъ оставаться или не оставаться въ духовномъ званіи, вслѣдствіе чего дѣти, рожденныя отъ лицъ духовныхъ, безпрепятственно избирали себѣ родъ жизни по своему усмотрѣнію. Такъ было и въ XVII вѣкѣ, когда въ духовное званіе вступали люди даже несвободныхъ состояній⁽¹⁾, когда помѣщики имѣли у себя священно-церковнослужителей часто изъ своихъ же крестьянъ. Но въ этомъ же вѣкѣ началось уже превращеніе духовенства нашего въ особое сословіе. Теперь дѣти духовныхъ рѣже, чѣмъ прежде, переходили въ другія состоянія, оставались большею частію въ духовномъ званіи, живя при своихъ отцахъ въ ожиданіи празднаго мѣста при церкви. Въ началѣ XVIII в. еще болѣе стѣснили духовенство наше изданіемъ нѣсколькихъ указовъ, ограничивавшихъ выходъ изъ духовнаго званія. Въ 1708 г. Петръ Великій запретилъ принимать

(1) Дополн. къ акт. истор. т. 5 стр. 490.

дѣтей священниковъ и діаконовъ въ подъячіе и другіе чины, указавъ имъ два исхода—на церковныя должности и въ солдаты (²): каковой указъ былъ подтвержденъ дважды (въ 1710 и 1723 гг.). Въ 1731 г. и Святѣйшій Синодъ положилъ не увольнять дѣтей духовныхъ въ иныя званія, а изъ сената нѣсколько разъ предписано было губернаторамъ и воеводамъ не принимать дѣтей священно-церковнослужительскихъ на гражданскую службу (³). Поэтому церковныя должности были замѣщаемы большею частію лицами, приходившими изъ духовнаго званія, и самыя мѣста церковнослужительскія переходили отъ одного изъ таковыхъ лицъ къ другому какъ бы по наслѣдству: когда умиралъ или отказывался отъ мѣста священникъ, его мѣсто заступалъ сынъ его или какой нибудь родственникъ. Начало такого порядка въ замѣщеніи церковно-служительскихъ мѣстъ было положено еще на столглавомъ соборѣ. «А который попъ или діаконь овдовѣтъ, сказано въ соборномъ опредѣленіи, и будетъ у него сынъ, или братъ, или зять, или племянникъ, а на его мѣсто пригожь и грамотѣ гораздъ и искусень, ино его въ поппа на мѣсто поставити» (⁴). Отцы московскаго собора 1667 г., выражая желаніе, чтобы на служеніе Церкви не были опредѣляемы «сельскіе невѣжды», велѣли священникамъ учить своихъ дѣтей грамотѣ и церковному благочиію, чтобы они были достойными наслѣдниками ихъ мѣста при церкви: «повелѣваемъ, яко да всякій священникъ дѣтей своихъ да научаетъ грамотѣ и страху Божію и всякому церковному благочиію, со всякимъ

(²) Полн. собр. зак. т. IV № 2181.

(³) Тамже т. VIII №№ 5882, 6066 и 6268.

(⁴) Акт. арх. экспед. т. 1 № 229.

прилежаніемъ, яко да будутъ достойни въ воспріятіе священства и *наслѣдники по нимъ церкви и церковному мѣсту*; а не оставляти имъ дѣтей своихъ наслѣдниковъ мамонѣ, а Церковь Христову корчемствовать, и во священство поставлятися сельскимъ невѣждамъ, иже инии ниже скоты пасти умѣютъ, колми паче людей» (5). Обычай занимать мѣста выбывающихъ изъ службы священнослужителей ихъ дѣтямъ или родственникамъ оставался и въ XVIII в. Впослѣдствіи изъ него даже выродилось ложное мнѣніе, что священники имѣютъ право передавать свои мѣста дѣтямъ, что дѣти — законные наслѣдники отцовскаго мѣста; даже въ самыхъ просьбахъ объ опредѣленіи на мѣста писали такъ: «такое-то мѣсто есть мое *наслѣдство* или принадлежитъ мнѣ по *наслѣдству*» (6). При многихъ церквахъ священники наполняли весь причетъ одними дѣтьми и родственниками своими и не допускали къ церкви никого изъ чужихъ (7). Въ томъ случаѣ, когда при церкви не было безмѣстныхъ духовныхъ людей, для замѣщенія празднаго мѣста, выбирали достойныхъ изъ дѣтей священно-церковнослужительскихъ отъ другихъ церквей (8). Гдѣ въ епархіи былъ недостатокъ въ духовенствѣ, туда требовали изъ другихъ епархій излишнихъ духовныхъ людей, достойныхъ священнаго сана (9). При распредѣленіи дѣтей духовныхъ по мѣстамъ, давалось предпочтеніе дѣтямъ священническимъ предъ діакоонскими: дѣти священниковъ получали мѣста прежде діакоонскихъ (10).

(5) Дополн. къ акт. ист. т. V № 102.

(6) Историко-статист. опис. харьковской епарх. стр. 7.

(7) Приб. къ дух. регл. ч. 3, о пресвитер. п. 27.

(8) Полн. собр. зак. т. VII № 5202.

(9) Указъ 1732 г. іюня 29.

(10) Полн. собр. зак. т. XXII № 15,981.

Впрочемъ, и въ XVIII в. не одни дѣти духовныхъ занимали священно-служительскія мѣста; на служеніе Церкви были опредѣляемы люди и другихъ сословій: дворяне, купцы, крестьяне. Въ 1714 г. Петръ Великій дозволилъ младшимъ братьямъ дворянскихъ фамилій поступать въ приходское духовенство (11). Въ Малороссіи многіе священнослужители были изъ знатныхъ фамилій и изъ казаковъ (12). Въ 1729 г. Свят. Синодъ дозволилъ опредѣлять въ Астрахани въ священники и причетники къ соборнымъ и приходскимъ церквамъ изъ купцовъ и другихъ классовъ городского населенія (13). Изъ крестьянъ многіе поступали не только въ дьячки и пономари, но и въ діаконы и священники (14). Но правительство желало ограничить для крестьянъ доступъ къ духовному званію, чтобы не было затрудненій и потерь въ сборѣ подушныхъ денегъ, и съ 1750 г. было запрещено принимать крестьянъ въ духовное званіе безъ общаго разрѣшенія сената и Синода (15).

Условія для поступленія въ званіе не только причетника, но и священника были не очень тяжелы; немного требовалось для того, чтобы имѣть право на посвященіе: нуженъ былъ зрѣлый возрастъ, хорошая нравственность и грамотность. Но это были только предварительныя условія; главнымъ и послѣднимъ условіемъ былъ выборъ прихожанъ. Прихожане сами избирали достойныхъ людей для служенія въ ихъ приходской церкви, и давали имъ отъ себя такъ называемый *выборъ* или *излюбъ*. *Выборъ*

(11) Тамже, т. V № 2789.

(12) Тамже, т. IX № 6614.

(13) Тамже, т. VIII № 5432.

(14) Полн. собр. зак. т. VII № 5052. VIII № 5264. XII № 8981.

(15) Тамже, т. XIII № 9781. XVII № 12573.

служилъ свидѣтельствомъ о избраніи прихожанами извѣстнаго лица на служеніе Церкви и вмѣстѣ удостовѣреніемъ отъ имени прихожанъ, что избранный имѣетъ всѣ качества, требуемая стѣ священнослужителя. У патріарха Никона былъ такой указъ о томъ, кому ставиться во священники и діаконы: «чтобъ посадскіе люди или въ волостѣхъ волостные люди выборы и челобитныя за руками приносили..., а выборы писали бы, чтобы онъ (ставленникъ) грамотѣ умѣлъ, и смиренъ и церковному правилу искусенъ и отъ божественныхъ правилъ сказателенъ, и не пьяница, и не зерщикъ, и не тать, и не разбойникъ, и не душегубецъ, и креста не цѣловаль, и въ боярскомъ дворѣ и въ холоцѣхъ и въ крестьянѣхъ не бываль, и женатъ первымъ бракомъ по закону на дѣвицѣ съ вѣнчаніемъ, а лѣты бы былъ въ тридцать лѣтъ, а дьяконѣ въ двадцать пять лѣтъ» (16). Ставленники съ своей стороны давали иногда прихожанамъ, а въ вотчинныхъ селахъ вотчиннику или его прикащику поручныя записи въ

(16) Акт. арх. эксп. т. IV № 331. Впрочемъ, выборы, по своему содержанію, не всегда соответствовали этому указу; они заключали въ себѣ иногда только свидѣтельство о избраніи извѣстнаго лица въ священники или діаконы и удостовѣреніе въ нравственныхъ качествахъ его, иногда служили только доказательствомъ избранія. Вотъ на примѣръ выборы: «Се язъ верхнеозерской волости пречистенскаго приходу церковный староста... и всѣ крестяне того приходу выбрали есмы и излюбили тогожъ приходу отца своего духовнаго пона Никиты Леонтьева сына его Сисоя Никитина къ себѣ въ приходъ ко храму Успенія пресвятые Богородицы... на его отцово мѣсто въ попы. А онъ Сисой Никитинъ человекъ добрый, не бражникъ, ни пропойца, ни за какимъ хмельнымъ питьемъ не ходитъ, человекъ онъ добрый: въ томъ мы староста и мірскіе люди ему Сисою выборъ дали». Другой выборъ: «Лѣта 7192 декабря въ 11 день Рождества Христова въ попы Семена Иванова на праздное мѣсто отца его Семёнова священника Ивана, и битъ челомъ преосвященному Симону архіепископу вологодскому намъ прихожаномъ о поставленіи его въ попы, въ томъ мы прихожане дворяне и дѣти боярскіе ему Семену Иванову сыну Попову сей по выбору нашему и излюбъ дали». Акт. юрид. изд. 1857 г. № 7.

темъ, что они, служа при церкви, будутъ вести себя безукоризненно и исправно исполнять свои обязанности⁽¹⁷⁾.

Тѣже условія требовались отъ ставленниковъ и въ XVIII в., съ нѣкоторыми только измѣненіями. Петръ I не дозволялъ опредѣлять дѣтей духовныхъ во священники и діаконы, если они не учились въ школахъ, а изъ учившихся тамъ велѣлъ опредѣлять только тѣхъ, которые оказали достаточные успѣхи въ ученіи⁽¹⁸⁾. Но такъ какъ школы заводились медленно, и обучавшихся въ нихъ было недостаточно для занятія всѣхъ праздныхъ мѣстъ при церквахъ; то отступленія отъ этого указа были неизбежны. Святѣйшій Синодъ былъ вынужденъ дать позволеніе посвящать въ священники и такихъ, которые вовсе не учились въ школахъ, только бы были они грамотны⁽¹⁹⁾. И до конца XVIII в. школьное обученіе не было непремѣннымъ условіемъ, безъ котораго нельзя было бы достигнуть священства. Право прихожанъ избирать для себя

(17) Приведемъ образецъ поручной записи: «Се изъ Кондратей Григорьевъ сынъ, да изъ Рычко Устиновъ и другіе (всѣхъ 11 человекъ) троецкіе крестьяне Никольскаго села Борана, поручились есмь живоначальныи Троицы старцу Михаилу по никольскомъ по земскомъ, и по церковномъ по дьячкѣ по Богданѣ по Васильевѣ сынѣ, въ томъ: что ему жити въ Троицкой вотчинѣ въ селѣ Никольскомъ на Боранѣ въ земскихъ и церковныхъ дьячкѣхъ, пьянства не держатись, на кабацкѣ не пити, съ воры не водитись, зернью не играти и никакимъ воровствомъ не промышлати, и къ церкви ему приходити и вечерню и заутреню и обѣдню пѣти нособлати всегда и старца слушати, куды его пошлетъ. А будетъ тотъ дьячекъ учнетъ держатись пьянства и учнетъ пити, на кабацкѣ бражничати и съ воры водитца и зернью учнетъ играти, или какимъ воровствомъ учнетъ промышлати и къ церкви не приходити и земскихъ дѣлъ всякихъ не учнетъ слушати и старца не учнетъ слушати куды его пошлетъ, и на насъ на поручитѣхъ пеня монастырская, а пеню что государь архимандритъ Пачотей съ братьею укажетъ, и наши поручичиковы головы въ его году. Лѣта 7130». Акт. юрид. изд. 1838 г. № 302.

(18) Полн. собр. зак. т. IV № 2186 и 2308, т. V № 3175.

(19) Тамже, т. VI № 3911.

священно-церковнослужителей было подтверждено неоднократно ⁽²⁰⁾. Безъ выбора прихожанъ никто не могъ поступить въ клиръ. Въ малороссійскихъ епархіяхъ нѣкоторые святители начали было поставлять священниковъ городамъ и селамъ, не спрашивая согласія прихожанъ. Это дошло до свѣдѣнія императрицы Анны Иоанновны, и указомъ ея строго было запрещено опредѣлять священниковъ и діаконровъ безъ согласія старшинъ, владѣльцевъ и прихожанъ ⁽²¹⁾. Въ 1745 г. сдѣлано было исключеніе изъ этого правила для обучавшихся въ школахъ: ихъ дозволено было опредѣлять на приходъ и не спрашивая ихъ согласія ⁽²²⁾. Еще ранѣе, въ 1739 г., право выбора было ограничено для прихожанъ тѣмъ, что имъ велѣно выбирать не одного, какъ было прежде, а трехъ кандидатовъ; окончательный выборъ предоставленъ епархіальному епископу: онъ избиралъ и посвящалъ, кого находилъ болѣе достойнымъ изъ трехъ представленныхъ кандидатовъ ⁽²³⁾.

Но выборамъ и челобитнымъ прихожанъ не всегда можно было довѣрять. Прихожане представляли иногда къ посвященію людей, недостойныхъ священнаго сана, иногда просили опредѣлить ставленика на такое мѣсто, которое не было праздно. Поэтому еще въ XVII в. выборы прихожанъ были подвергнуты повѣркѣ разныхъ духовныхъ лицъ, довѣренныхъ отъ епархіальной власти. Въ 1654 г. новгородскій митрополитъ Макарій велѣлъ тихвинскому архимандриту Іосифу, наблюдавшему за церковнымъ благочиніемъ въ ближнихъ къ монастырю селахъ, смотрѣть

⁽²⁰⁾ Дух. регл. о мірян. п. 8. Полн. собр. зак. т. IV № 2353. IX № 6614.

⁽²¹⁾ Полн. собр. зак. т. IX № 9724.

⁽²²⁾ Указъ 1745 г. ноября 6.

⁽²³⁾ Полн. собр. зак. т. X № 7734.

за правильностію выборовъ и скрѣплять ихъ собственнымъ свидѣтельствомъ и безъ его свидѣтельства не довѣрялъ приходскимъ выборамъ и не посвящалъ, представляемыхъ прихожанами, ставлениковъ, «для того, что многіе ставленики, говоритъ онъ въ грамотѣ на имя того архимандрита, приходятъ и пролыгаются, а скажутъ, что попа у церкви нѣтъ, а онъ скуштитъ прихожанъ не многихъ, да намъ о поставленіи бьетъ челомъ, и о томъ у нихъ вжда многая бываетъ, а у того храма попъ есть» (24). Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій, отъ протопоповъ и намѣстниковъ, которымъ былъ порученъ надзоръ за духовенствомъ, требовалъ (также письменнаго одобренія всѣмъ ставленикамъ, представляемымъ къ посвященію по выбору прихожанъ (25). Эта повѣрка дѣйствій прихожанъ въ настоящемъ случаѣ, бывшая въ XVII в. учрежденіемъ частнымъ, мѣстнымъ, въ XVIII в. была введена во всѣхъ епархіяхъ. Духовнымъ правленіямъ и благочиннымъ вмѣнено въ обязанность вѣрно дознавать, дѣйствительно ли праздно то мѣсто, на которое просится ставленикъ, и достоинъ ли онъ посвященія по своему поведенію, и давать о томъ ставленнику письменное свидѣтельство, которое онъ представлялъ епархіальному архіерею вмѣстѣ съ просьбою объ опредѣленіи его на мѣсто. Безъ такого свидѣтельства ни одинъ ставленикъ не допускался къ посвященію (26).

Для опредѣленія въ клиръ людей, происходившихъ не изъ духовнаго званія, требовались особенныя условія, которыя зависѣли отъ особеннаго гражданскаго положе-

(24) Акт. арх. эксп. т. IV № 331.

(25) Журн. мин. нар. просв. 1852 ч. LXXV. V. 1.

(26) Полн. собр. зак. т. IV № 2358.

нія ихъ. Дворяне и всѣ, состоявшіе на государственной службѣ, должны были брать увольненіе отъ своихъ начальствъ⁽²⁷⁾, а крестьяне крѣпостные и свободные — представлять увольнительные виды отъ своихъ господъ и обществъ⁽²⁸⁾. Притомъ крестьяне принимались въ духовенство подъ тѣмъ условіемъ, если помѣщики или общества, отъ которыхъ они увольнялись, давали обязательство платить за нихъ подушныя деньги посмерть⁽²⁹⁾.

Съ выборами и челобитными отъ прихожанъ ставленники являлись къ своему епархіальному архіерею. Архипастырь производилъ имъ испытаніе. Испытаніе было не тяжелое: ставленника заставляли только читать по какойнибудь богослужебной книгѣ. Если онъ читалъ правильно, бойко, и внятно, его удостоивали посвященія. Но и это не тяжелое испытаніе бывало не безъ грѣха. Вотъ что говоритъ Посошковъ объ испытаніи ставленниковъ: «прежнее архіерейское слушанье ставленичье вельми мнѣ не понравилось, понеже полагаются на службниковъ своихъ въ поставленіи по повѣстѣмъ: ти бо примутъ отъ новопоставленника дары и затвердятъ ему во псалтыри псалмы два-три, и предъ архіереемъ заставятъ то тверженое читати, а той ставленникъ ясно и внятно и поспѣшно пробѣжить, и архіереи, того не вѣдая ухищреннаго подлога, посвящаютъ во пресвитеры»⁽³⁰⁾. Въ 1711 г., по общему приговору освященнаго собора и сената, предписано было каждому епархіальному епископу «въ слушаніи ставленниковъ быть опасну и жестоку, и аще явится неумѣнье и коснотченіе дьячковъ, тѣмъ вельми отказывать»⁽³¹⁾. Съ

⁽²⁷⁾ Тамже, т. IX № 6614.

⁽²⁸⁾ Дополн. къ акт. ист. т. V № 102.

⁽²⁹⁾ Полн. еобр. зак. т. VII № 5052. VIII 5264. XVIII 13,326.

⁽³⁰⁾ Книга о скудости и богатствѣ стр. 4.

⁽³¹⁾ Полн. собр. зак. т. IV № 2358 ст. 8.

первыхъ же годовъ XVIII в. Святѣйшій Синодъ и епархіальные епископы постоянно заботились о томъ, чтобы на служеніе Церкви были опредѣляемы люди, повозможности подготовленные къ этому служенію и способные къ исправленію пастырскихъ обязанностей. Для поступленія во священники одной грамотности было уже не достаточно; требовалось знаніе по крайней мѣрѣ основныхъ истинъ вѣры и нравственности христіанской. Для ставлениковъ были напечатаны «книжицы о вѣрѣ, законѣ христіанскомъ и должностяхъ всѣхъ чиновъ». Эти книжицы обязанъ былъ выучить каждый ставленникъ; иначе онъ не могъ получить посвященіе. Поэтому ставленники являясь къ мѣстному архіерею съ выборами отъ прихожанъ, прежде посвященія жили нѣсколько времени при архіерейскомъ домѣ и готовились къ производству въ священнослужители. Въ 1739 г. предписано было отъ Святѣйшаго Синода епархіальнымъ епископамъ всѣхъ представляемыхъ отъ прихожанъ кандидатовъ на священнослужительскія мѣста держать при архіерейскихъ домахъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ. Для обученія ихъ были опредѣлены учительные священники и іерсмонахи. Каждую недѣлю ихъ испытывалъ самъ епископъ. По прошествіи трехъ мѣсяцевъ, кто изъ трехъ кандидатовъ оказывалъ болѣе успѣховъ, тотъ и былъ посвящаемъ во священника или діакона⁽³²⁾. Отъ этого приготвленія къ посвященію были избавлены окончившіе курсъ ученія въ семинаріяхъ.

Низшіе служители церкви, дьячки и пономари, служили иногда при церквахъ безъ грамотъ и указовъ архіерейскихъ, по найму отъ прихожанъ. Они заключали съ прихожанами договоръ, которымъ обязывались служить

(32) Полн. собр. зак. т. X №№ 7734 и 7749.

при церкви известное время; по истечении условленного времени они могли переходить къ другой церкви или возвращались въ прежнее состояніе. Приведемъ для образца одну поручную запись церковнаго дьячка, относящуюся къ 1634 г. «Се язь Иванъ Никитинъ сынъ Губарихинъ кузнецъ пречистыя Богородицы Тифина монастыря посацкой старшиной жилецъ порядилъ есми сына своего Прокопья на время въ Колбяги къ церкви къ священномученику Клименту въ дьячки, а пожити ему сыну моему Прокопью въ Колбягахъ у церкви въ дьячкѣхъ на время, доколѣ онъ возмужаетъ, и какъ сынъ мой Прокопей повозмужаетъ, и ему оттолѣ перейти опять на родину свою ко пречистой Богородицы на Тифину на посадъ» ⁽³³⁾. Въ Малороссіи козаки, нанимались въ дьячки на самые короткіе сроки—мѣсяца на три, на два и даже на одинъ мѣсяць ⁽³⁴⁾. Наемные дьячки и пономари существовали по мѣстамъ даже во второй половинѣ XVIII вѣка. Въ 1765 г. святитель Тихонъ, епископъ воронежскій, доносилъ Святѣйшему Синоду, что войско донское самовольно опредѣляетъ въ дьячки и пономари, а посвященныхъ въ стихарь, съ данными отъ архіерея грамотами, не допускаетъ къ церкви и записываетъ въ козаки ⁽³⁵⁾.

(Изъ Прав. Собес. 1866. Июнь.)

⁽³³⁾ Акт. юрид. изд. 1838 г. № 197.

⁽³⁴⁾ Полн. собр. зак. т. X № 7144.

⁽³⁵⁾ Тамже, т. XVII № 12,454.

СОДЕРЖАНІЕ. Очерки изъ исторіи славянской мнѣологии (продолженіе —
О поступленіи въ россію на церковныя должности въ XVII и XIII столѣтіяхъ.

Дозволено Цензурою 11-го іюля 1866 года.

Редакторы: Инсп. сем. прот. А. Стекловъ и
Проф. Г. Полисадовъ.

нижній-новгородъ; въ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.